

УДК 94(47.41)+(510).092

Новые исторические источники: документы ОГПУ-НКВД о тюрко-татарах в Китае

А. Р. Усманова,

*Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ,
г. Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация*

А. П. Черникова,

*Институт Востоковедения РАН,
г. Москва, Российская Федерация*

New historical sources, documents of OGPU-NKVD on Turko-Tatars in China

L. R. Usmanova,

*Sh. Mardzhani Institute of History,
the Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan,
Kazan, the Republic of Tatarstan,
the Russian Federation*

L. P. Chernikova,

*Institute of Oriental Studies, Russian
Academy of Sciences,
Moscow, the Russian Federation*

Аннотация

В статье описывается рассекреченный Советом национальной безопасности и обороны Украины в мае 2009 г. архивный документ № 274 из фондов Учетно-архивного отдела КГБ при Совете Министров УССР – датированная 10 июля 1935 г. «Справка иностранного отдела НКВД СССР о татарской белой эмиграции на Дальнем Востоке “О состоянии татарской белой эмиграции на Дальнем Востоке”», содержащая «Ориентировку об использовании японской разведкой татарской эмиграции на Дальнем Востоке. Москва – 1935 г.». Документ, тиражированный московской типографией в 1935 г., представляет интерес для исследователей тюрко-татарской эмиграции в Китае. С сокращениями публикуется сам документ, в котором подробно представлена картина переломного момента в жизни тюрко-татарской эмиграции на Дальнем Востоке в 1934–1935 гг., когда происходило ее разделение по идеологическому признаку (на националистическое крыло под руководством Гаяза Исхаки, и на консервативно-религиозное). Националистическая часть стремилась к объединению и централизации, что ей и удалось сделать в это время. Эта активность не могла не вызывать беспокойства у Советской России, а следовательно, и пристальный интерес со стороны спецорганов. По фактам, изложенным в документе, видно, что тюрко-татарская эмиграция на Дальнем Востоке поддерживалась японскими властями. Достоверность изложенной в документах ОГПУ-НКВД информации необходимо проверять другими документами и материалами. При полном рассекречивании документов архивов ОГПУ-НКВД, касающихся российской эмиграции, исследователи смогут полностью воссоздать картину жизни наших соотечественников за рубежом в предвоенные и военные годы.

Abstract

The article describes the archival document no. 274 from the fonds of Archives and Records Management Section of KGB under the Ukrainian SSR's Council of Ministers dated July 10, 1935 and named "A report of Department of Foreign Affairs of NKVD of the Ukrainian SSR on the Tatar white emigration in the Far East "On

the status of Tatar white emigration in the Far East”” declassified by Ukraine’s National Security and Defense Council in May 2009 and containing “The briefing material on the Japanese Intelligence Department’s use of Tatar emigration in the Far East. Moscow, 1935”. The document published by a Moscow typography in 1935 is of interest for researchers of the Turko-Tatar emigration in China. The document was published with reductions and presents in detail the crucial moment in the life of the Turko-Tatar emigration in the Far East in 1934-1935ss when it split according to ideological features (the nationalist wing under the leadership of Gayaz Iskhaki and the conservative-religious one). The nationalist part aimed at unification and centralizing and managed to implement it. This kind of activity caused anxiety on the part of Soviet Russia, and, consequently, a keen interest on the part of intelligent agencies. According to the facts stated in the document, it is obvious that the Turko-Tatar emigration in the Far East was supported by Japanese authorities. The reliability of the information recited in the documents of OGPU-NKVD should be cross-checked using other documents and materials. At complete declassification of the documents on the Russian emigration from OGPU-NKVD’s archives researchers will be able to retrace thoroughly the life of our compatriots abroad during the pre-war and war periods.

Ключевые слова

Тюрко-татарская эмиграция, документы НКВД, Гаяз Исхаки, Япония, Маньчжурия, история российской эмиграции, национализм, разведывательные органы.

Keywords

Turko-Tatar emigration, NKVD materials, Gayaz Iskhaki, Japan, Manchuria, history of Russian emigration, nationalism, intelligence agencies.

История тюрко-татарской эмиграции в Китае в первой половине XX в. и ее изучение сопровождались большими трудностями: не было доступа к источникам информации, вследствие чего было мало содержательных статей. В 2000-х гг., в виде отдельных статей¹, а в 2007 г. – в виде книги, изданной токийским издательством «Ракудаша», опубликована работа Л. Усмановой «Тюрко-татарская диаспора в Северо-Восточной Азии. Трансформация сознания: исторический и социологический аспекты между 1898 и 1950 гг.»², в которой автор реконструировал исторические судьбы тюркоязычных россиян в эмиграции на Дальнем Востоке. Шанхайская периодика, исследованная историком Л. Черниковой, предоставила различные аспекты жизни тюрко-татарских эмигрантов Шанхая и Маньчжурии³, а работа в Архиве внешней политики Российской Федерации предоставила материалы, освещавшие приезд Гаяза Исхаки в Маньчжурию и Японию. История тюрко-татарских переселенцев из западного Китая была раскрыта благодаря работам М. Усманова⁴ и работам некоторых татарских эмигрантов и исследователей из Японии, США, Турции⁵.

Сотрудничество с историками, занимающимися историей сталинских репрессий, привело к исследовательским результатам и открытию новых фактов из истории тюрко-татарской эмиграции в Китае: выявлению документа с донесениями ОГПУ о тюрко-татарах по регионам Поднебесной, с именами руководителей общин и основными характеристиками их деятельности. Благодаря исследователю Сергею Борисовичу Прудовскому⁶, в наших руках оказался уникальный архивный документ НКВД от 10 июля 1935 г. под названием «Справка иностранного отдела НКВД СССР о татарской белой эмиграции на Дальнем Востоке “О состоянии татарской белой эмиграции на Дальнем Востоке”», включающий документ «Ориентировка

об использовании японской разведкой татарской эмиграции на Дальнем Востоке. Москва – 1935 г.». Этот рассекреченный в мае 2009 г.⁷ архивный документ представляет собой сводный отчет по всем крупным объектам поселения тюрко-татар в Японии, Китае (Западный край, Маньчжурия, Харбин) и Монголии в 1935 г. и вводится в научный оборот впервые.

Анализ исторического источника

1. *Название документа:* Ориентировка об использовании японской разведкой татарской эмиграции на Дальнем Востоке.

2. *Авторство документа:* документ подписан начальником Особого отдела⁸ ГУГБ НКВД СССР Гае⁹ и начальником 6-го отделения Особого отдела ГУГБ НКВД СССР Николаевым¹⁰. Документ требовал рассылки по тем оперативным отделам НКВД СССР, которые относились к дальневосточным регионам СССР и входили в состав приграничных районов, за кордоном которых проживали те или иные анти-советски настроенные контингенты (эмигрантов или вооруженных антисоветских военных частей), представляющие угрозу безопасности страны.

3. *Время и место создания документа:* 10 июля 1935 г., Москва.

4. *Подлинность документа:* копия, типографский оттиск (без указания тиража). На вопрос об определении тиража подобного рода «Ориентировок» специалист по истории советских спецслужб Н. В. Петров писал: «Относительно 6-го отделения Особого отдела ГУГБ НКВД – с мая 1935 г. это Дальневосточное отделение (то есть борьба с разведками стран Дальнего Востока). В дальнейшем (после ноября 1936 г.) эта линия работы – в контрразвед[ывательном] отделе ГУГБ (3 отдел ГУГБ). Структура потом еще несколько раз менялась. В подробностях (до отделений) еще не описана, но их тираж [документов, аналогичных публикуемому] был не менее нескольких сотен экземпляров»¹¹.

5. *Исторические условия, цели создания документа.* В «Справку иностранного отдела НКВД СССР о татарской белой эмиграции на Дальнем Востоке “О состоянии татарской белой эмиграции на Дальнем Востоке”» включена «Ориентировка об использовании японской разведкой татарской эмиграции на Дальнем Востоке» от 10 июля 1935 г. Документ составлен сотрудниками 6-го отделения Особого отдела Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР.

3-е отделение занималось контрразведывательной работой по пресечению разведывательно-диверсионной деятельности спецслужб Японии, Турции, Персии, Афганистана и Китая, предотвращением проникновения в секции Коминтерна в перечисленных странах враждебных, шпионских и провокационных элементов; 6-е отделение занималось противодействием разведкам Великобритании, Франции, Италии, Греции, Скандинавских стран и США. Известно также, что по «Положению об отделе кадров НКВД Союза ССР» от 1 мая 1939 г., согласно «Структуре отдела и задачам отделений», 6-е отделение относилось к Китаю по комплектованию «По оперативно-чекистским кадрам органов НКВД: Алтайского, Красноярского, Приморского, Хабаровского краев, Иркутской, Новосибирской, Омской, Читинской областей, Бурят-Монгольской, Якутской АССР»¹².

6. *Классификация документов и их значимость:* «Ориентировки – это документы, издававшиеся отделами ГУГБ и рассылаемые во все территориальные управления НКВД, дорожно-транспортные отделы НКВД. В ориентировке суммировались результаты по определенной линии работы (контрразведывательной – по видам шпионажа, секретно-политической – по политическим противникам). Смысл ориентировок заключался в том, чтобы нацелить оперативный состав

на местах на определенные враждебные явления. Ориентировка обобщала материал по конкретному виду враждебной деятельности»¹³.

Другие типы документов. По классификации Н. Петрова, «выше по значимости были [в порядке убывания] “Приказы”, “Циркуляры” и “Директивы”, а также “Указания”... Еще ниже ориентировок по значимости – “Меморандумы” (как правило, рассылались более узко, чем ориентировка, и были посвящены чему-то более конкретному и узкому, например – о каком-либо агентурном деле и т.п.). Меморандумы, как правило, типографски не тиражировались. “Агентурные донесения” – также типографски не тиражировались, лишь малая их часть рассылалась из оперативных отделов наверх в нескольких экземплярах (не более). Собственно, “стандарта” документов по той или иной проблеме не создавалось»¹⁴.

7. Достоверность и полнота текста:

а) текст составлен служащими военного ведомства, соответственно, на лексике и значении слов лежит печать полувоенного канцеляризма 1930-х гг., вместе с тем, в лексике четко сохранено наследие гражданской войны и спецслужб: кругом враг, который постоянно начеку;

б) факты исторической действительности, выявленные на основе сведений из данного источника. Оценка тюрко-татарских общин в Китае, Монголии и Японии, составленная спецслужбами СССР по различным источникам, являет собой картину, хотя и предвзятую, но более широкую, нежели мы имеем на сегодня из объективно собранных имеющихся данных.

Необходимо отметить, что в 1934 г. в недрах НКВД уже была подготовлена справка иностранного отдела НКВД СССР о татарской белой эмиграции на Дальнем

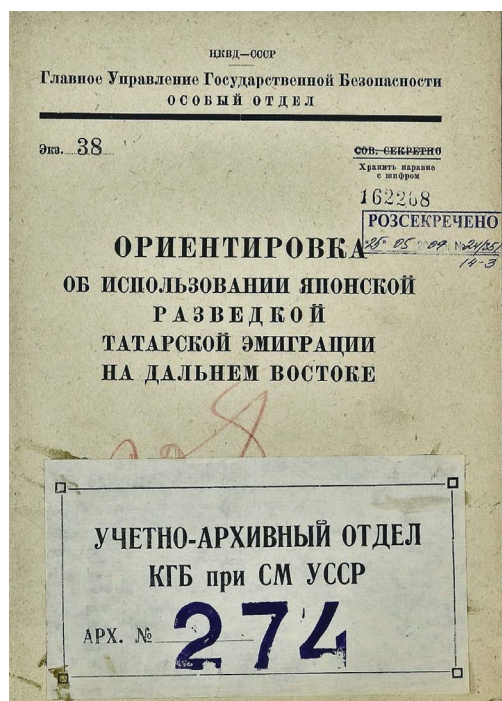
Востоке «О состоянии татарской белой эмиграции на Дальнем Востоке». Однако активная деятельность, начатая Гаязом Исхаки на Дальнем Востоке с конца 1934 г., заставила активизировать сбор информации о нем, что отражено в предлагаемом документе, составленном годом позже (орфография документа сохранена).

Документ издан под грифом «С[овершенно] секретно»¹⁵ Особым отделом Главного управления государственной безопасности НКВД-СССР (Экз. 38, хранить наравне с шифром). Это значит, к нам попал 38-й экземпляр документа.

8. Место издания документа: Москва, 1935 г.¹⁶

Сопроводительное письмо

«Ориентировка...» снабжена сопроводительным письмом с грифом «С[овершенно] секретно», которое было подписано 10 июля 1935 г. начальником Особого отдела ГУТБ НКВД СССР Гае и начальником 6-го отделения

ОГА СБУ, ф. 13, оп. 1, д. 274. л. 1.

Sectoral State Archive of the Security Service of Ukraine, fond 13, series 1, file 274, p. 1.

Особого отдела ГУГБ НКВД Николаевым, и утверждено заместителем Народного комиссара внутренних дел Союза ССР Прокофьевым¹⁷. Сопроводительное письмо разослано «Всем нач[альникам] УГБ НКВД Союзных Республик и военных округов, нач[альникам] о[тделов] краевых, областных и Республиканских Управлений НКВД, нач[альникам] особых отделов черноморского, балтийского и тихо-океанского флота» с предостережением об активизации шпионско-диверсионной деятельности зарубежных организаций с «использованием японской разведкой татарской эмиграции на Дальнем Востоке». В письме Особые органы УГБ НКВД обязывались «активно развернуть работу по выявлению шпионско-диверсионной деятельности “Идель-Уральских”¹⁸ организаций». В письме упоминается о «неоднократных указаниях Особого Отдела ГУГБ НКВД о необходимости серьезной разработки связей пантюристских элементов». Однако, «ряд разосланных материалов о связях эмиграции на советской территории, – говорится в сопроводительном письме, – лежит без движения. Некоторые Особые Отделы, в том числе и такие, где имеется компактная масса татарского и башкирского населения, не учли серьезность этих разработок и должного внимания им не уделяют».

Особый отдел ГУГБ НКВД, предлагал: «1. Проверить состояние учета татар и башкир, связанных с Дальним Востоком, обратив особое внимание на вернувшихся из Маньчжурии рабочих и служащих К[итайско-]В[осточной] ж[елезной] д[ороги] и других предприятий и учреждений (“харбинцев”¹⁹); 2. Приступить к выявлению агентурной проработке бывших сторонников Исакова²⁰; участников к[онтр]-р[еволюционных] организаций “султангалеевцев”²¹, “Крестьянского Иттифака”²², исключенных из ВКП(б) нац[иональных] интеллигентов; учитывая, что все эти к[онтр]-р[еволюционные] элементы рассматриваются Исаковым, как основная база своей к[онтр]-р[еволюционной] деятельности на советской территории. Внимательно следить за теми из них, которые поддерживают связь с Дальним Востоком; 3. Просмотреть наличную агентурную сеть среди татар и башкир, с целью выявления агентов, которые могут быть использованы для вскрытия деятельности японской разведки. Попутно с этим провести отсев подозрительных в двойничестве агентов, т.к. двурушничество агентуры, имеющее большое распространение в национальных условиях, является особо опасным; 4. Наряду с созданием широкой осведомительной сети, взять упор на вербовку квалифицированной спецагентуры из указанных в № 2 элементов; 5. Обратить особое внимание на выявление и разработку связанных с Дальним Востоком татар и башкир, находящихся на работе в предприятиях и учреждениях оборонного значения и транспорта»²³.

В резюме сопроводительного письма говорится: «С получением настоящей ориентировки предлагается сообщить в Особый отдел ГУГБ НКВД краткой запиской обо всех имеющихся перспективных разработках татар и башкир, подозреваемых в шпионско-диверсионной деятельности в пользу японской разведки»²⁴.

Документы (ориентировки, аналитические материалы и др.) архивов ОГПУ-НКВД представляют собой один из важных источников информации о российской эмиграции, несмотря на идеологизированность подхода их составителей к подбору информации, так как в них подробно излагаются многие факты, представлена статистика, приведены фамилии и места событий. Поэтому при анализе подобных документов беспристрастный исследователь должен учитывать позицию государства, чьи интересы выражал данный государственный орган.

В публикуемом нами документе НКВД от 10 июля 1935 г. подробно представлена картина переломного момента в жизни тюрко-татарской эмиграции на Дальнем Востоке, когда происходило ее разделение по идеологическому признаку (на националистическое крыло под руководством Гаяза Исхаки, и на консервативно-религиозное). Националистическая часть стремилась к объединению и централизации, что не могло не вызывать беспокойства у Советской России, а, следовательно, и пристальный интерес со стороны спецорганов. Понятно, что ситуация с японским влиянием была несколько преувеличена и обострена, но иначе трудно было бы убедить Центр в ярой антисоветской деятельности тюрко-татар на Дальнем Востоке. Вышеприведенные материалы позволяют предполагать: при полном рассекречивании документов архивов ОГПУ-НКВД по российской эмиграции, исследователи смогут полностью воссоздать картину жизни наших соотечественников за рубежом в предвоенные и военные годы.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Усманова Л.Р.* Тюрко-татарская эмиграция в Северо-Восточной Азии в начале XX в. // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2005. – № 1. – С. 92-100; она же. В поисках национальной идентичности (тюрко-татарская диаспора в Северо-Восточной Азии) // Диаспоры. – 2005. – № 2. – С. 6-39; она же. Тюрко-татарская эмиграция Дальнего Востока: «Тюркские народы не были готовы защищать себя от большевистского потока ...» // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2007. – № 2. – С. 182-193.
2. *Usmanova L.* The Türk-Tatar Diaspora in Northeast Asia, Transformation of Consciousness. A Historical and Sociological Account Between 1898 and the 1950s. – Tokyo: Rakudasha, 2007. – 367 p.
3. *Черникова Л.П.* «Никто не думал вначале, ... что нам придется здесь жить и работать целое десятилетие» // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2005. – № 1. – С. 138-144.
4. *Усманов М.* «Киек сукмакларында» («На диких тропах». Записки охотника). – Казань, 1966; его же. Ябымаган китап, яки Чәчелгән орлыклар. – Казань, 1996.
5. *Эмрулла Аги.* Аги Эмрулла (1912-2001). Жизнь одного человека: Незаверш. автобиограф. повесть. – Казань: Магариф, 2003. – 175 с.; *Адутов Р.М.* Татарская и башкирская эмиграция в Японии. Япониядәге кардәшләребез / Пер. документов: Ю. Жимангулов и др. 3-е изд., доп. – Набережные Челны: НГПИ, 2008. – 196 с.; *Надир Дәүләт.* Ерак Көнчыгыштагы татар-башкортларга ни булды? – Казан, 2005. – 99 б.; *Селихмет М.* «Тюрки России» // The XX Century. – 1941. – № 2. – Р. 99-102; *Akira Matsunaga.* Ayaz Ishaki ve uzak shergdeki tatar turkleri. – Baki, 2002. – 104 b.; *Dyundar M.* Uzak doguda Idil-Ural tyurklernin yayain faaliyetleri ve Tokyo Mahalle-Islamiye Matbaasi. – Ankara, 2003. – 116 p.
6. Прудовский Сергей Борисович (р. 1950), инженер. После выхода на пенсию начал поиск материалов о репрессированном деде – «харбинце».
7. На документе стоит печать и надпись: Розсекречено (орфография сохранена) 25.05.2009 № 24/35/14-3 (см.: Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины (ОГА СБУ), ф. 13, оп. 1, д. 274. л. 1-21).
8. Особый отдел – наименование военной контрразведки ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД – Комитета государственной безопасности СССР. В 1934-1938 гг. военная контрразведка как Особый (с декабря 1936 г. – 5-й) Отдел входит в состав Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР.

9. Гай Марк Исаевич (Штоклянд) (1898, Винница – 1937, Москва), один из руководителей органов государственной безопасности, комиссар государственной безопасности 2-го ранга (1935). Расстрелян.
10. Николаев (Рамберг) Израиль Маркович (1899-1937, Москва). Член ВКП(б). Арестован 20 апреля 1937 г. Расстрелян. Реабилитирован 2 апреля 1957 г.
11. Ответ Н. В. Петрова от 17 сентября 2018 г. авторам // Из личной переписки с Н. В. Петровым.
12. Однако такая корректировка относится к 1939 г., а не к 1935 г., о котором речь в документе.
13. Ответ Н. В. Петрова от 17 сентября 2018 г. авторам // Из личной переписки с Н. В. Петровым.
14. Там же.
15. В документе зачеркнуто в силу рассекречивания: «162268 Розсекречено (орфография сохранена) 25.05.2009 № 24/35/14-3», стоит печать комиссии по рассекречиванию документов (см.: ОГА СБУ, ф. 13, оп. 1, д. 274. л. 1-21).
16. Прикрепленный лист Учетно-архивного отдела КГБ при Совете Министров УССР (ныне Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины), арх. № 274 (см.: ОГА СБУ, ф. 13, оп. 1, д. 274. л. 1-21).
17. Прокофьев Георгий Евгеньевич (1895, Киев – 14.08.1937, Москва), комиссар государственной безопасности 1-го ранга (1935). Расстрелян.
18. Краткое название для организаций, созданных в эмиграции для реализации проекта Волжско-Уральского национального государства тюрко-татар России (штат Идель-Урал) по решению мусульманских съездов 1917-1918 гг. В Европе они носили название «комитет независимости Идель-Урала», а на Дальнем Востоке, по требованию японских властей, назывались «обществами культуры волжско-уральских тюрко-татар». Идеологической основой организаций выступала программа Г. Исхакова (Исхаки), изложенная в его книге «Идель-Урал» (1933).
19. Имеется в виду 25 тысяч железнодорожников КВЖД, вернувшихся в 1935 г. в СССР. Первоначально планировалось репатриировать не более 15-18 тысяч человек. В течение 1929-1935 гг. небольшими группами репатриантов в СССР возвращались те граждане, кто принял советское гражданство. По большей мере, это были представители рабочих и служащих железной дороги, а также других учреждений. Согласно данным исследователей сталинских репрессий (Н. Петров, С. Прудовский), в СССР репрессиям подверглись почти 49 тысяч железнодорожников и причастных к ним людей. Это значит, что за шесть лет после советско-китайского конфликта 1929 г. в СССР вернулось более 20 тысяч человек. Среди них были и тюрко-татары.
20. Исхаков Мухамметгаз Гилязетдинович (Гаяз Исхакий) (23.02.1878, дер. Яуширма – 22.07.1954) – выдающийся деятель татарского национального движения, писатель, публицист, издатель и политик.
21. «Дело Султан-Галиева», «султангалиевщина» – уголовное дело, сфабрикованное органами НКВД в рамках борьбы с «национал-уклонизмом» в 1920-1930-е гг. о «татарской буржуазно-националистической оппозиции и контрреволюционной организации» («султангалиевщина») против мусульманского политического деятеля Мирсаида Хайдаргалиевича Султан-Галиева (13.07.1892, д. Елимбетово, Уфимская губерния – 28.01.1940, Москва) и некоторых политических деятелей автономных и союзных республик. В июне 1923 г. дело Султан-Галиева рассматривалось на 4-м совещании ЦК РКП(б). После совещания развернулась кампания по разоблачению «участников султан-галиевской контрреволюционной организации». В результате проверки, проведенной Прокуратурой и КГБ СССР в 1989-1990 гг., было доказано, что «султан-галиевской контрреволюционной организации» не существовало.

22. Дело «Националистической контрреволюционной повстанческой организации («Крестьянский Иттифак») – аналог политического процесса по делу «Трудовой крестьянской партии», который состоялся 10 июля 1933 г. в Казани и был сфабрикован органами ОГПУ по обвинению ряда лиц в подготовке вооруженного восстания с целью свержения Советской власти и образования буржуазно-демократической республики. Центр якобы находился в Москве, филиалы в Татарстане, Башкирии и др. В 1956 г. Верховный суд ТАССР отменил приговор в отношении 33 осужденных и прекратил дело за отсутствием в их действиях состава преступления.

23. ОГА СБУ, ф. 13, оп. 1, д. 274. л. 13.

24. Там же, л. 14.

Из «Ориентировки об использовании японской разведкой татарской эмиграции на Дальнем Востоке»

В ранее разосланных Особым отделом ГУГБ НКВД материалах указывались действия и мероприятия японской разведки, направленные к использованию татарской белой эмиграции в Маньчжоу-Го и Японии. Следствие по делу «Харбинские минареты»¹ дало дополнительное освещение этой работы японцев: «В Харбине, наряду с мусульманской общиной, имеется объединение мусульман военных – бывших солдат, с которыми ведутся военные занятия, чтобы они были готовы, когда потребуются, выступить на борьбу с Советским Союзом. Японцы стремятся использовать мусульманскую общину для того, чтобы через нее установить связь с мусульманами, живущими в Советском Союзе, и подготовить последних к активному выступлению против советской власти на случай войны». «Особенно близкую связь с японцами имеет руководство военного объединения мусульман (“Аскери Уешма”) в составе: Алимова (председатель), Шамсутдинова Исмаила (ведает всей связью между разбросанными подразделениями), Исламова Фатиха (казначей), Искандерова (ведает взаимопомощью), Мурзинкова² (негласный мулла и он же подыскивает для членов военной организации работу). Военная организация по командной линии и по снабжению подчиняется генералу Косьмину³. (Показания Хабарова М. С. от 22/V-34 г.)».

Японцы уделили особое внимание созданию руководящего центра татарской эмиграции. Первое совещание по организационному вопросу состоялось 9/VI-32 г. в Токио с участием быв[шего] японского атташе в России генерала Фукуда⁴, председателя Японского Красного Креста, профессора Ниникава, члена парламента барона Иноуэ, председателя мусульманской общины в Токио Курбангалеева⁵; 2-х представителей русских белогвардейцев – областников (сторонников «автономной области Сибири»⁶) Батолина⁷ и Поротикова⁸. На этом совещании было решено созвать мусульманский съезд в Токио для создания «Союза мусульман Дальнего Востока» и руководящего центра этого союза. [...]

Курбангалеев⁹ и его сторонники не смогли полностью выполнить задания японцев по консолидации мусульманских элементов на Дальнем Востоке в связи с выявившимися противоречиями, как то: 1) Курбангалеев является сторонником контактной работы с русскими белогвардейскими организациями – противников расчленения территории России; 2) будучи консерватором-панисламитом, Курбангалеев пытался построить свою организацию по системе религиозных общин, в то время как наиболее сильные кадры татарской эмиграции были сторонниками «государственного объединения тюркских наций по национальному признаку» (пантюркизм-пантунанизм¹⁰); 3) Курбангалеев являлся открытым противником

кемалистских реформ, чем отталкивал от себя сторонников пантюркизма, которые признавали Мустафу Камаля Ататюрка¹¹ общим национальным вождем тюрко-татар.

Привлечение Исхакова к японской работе. В связи с этим японцы были вынуждены перебросить на Дальний Восток лидера татарской белой эмиграции в Европе – сотрудника польского военного штаба – Исхакова Гаяза. Задолго до этих событий в своей докладной записке, направленной в японский штаб, Исхаков изложил широкий план организации шпионской сети в СССР и, в частности, в национальных частях (татарских и башкирских) РККА, предлагая использовать для этого связи татарской эмиграции. Реальность своих планов он обосновал материалами о деятельности татарской организации «Султангалеевского центра», указывая: «Во время польско-советской войны татарские националисты (султангалеевцы) с коммунистическими билетами в руках сознательно не посылали хорошо дисциплинированные татарские полки на польский фронт...». Поддерживавший связь с Исхаковым японский разведчик Янагида¹² (переславший докладную записку Исхакова в Генштаб Японии), – от себя добавил: «Для нас будет весьма удобно, если правительство Манчжоу-Го захочет использовать этих эмигрантов». [...]

При выезде Исхакова в конце 1933 г. из Варшавы в Токио, майор Янагида сообщил во второй отдел Генерального штаба полковнику Хата (сейчас является военным атташе в Москве) о целях его поездки в Японию: «Налаживание работы с татарами; установление связи с мусульманами в Манчжоу-Го; установление связи с Китайским Туркестаном; политический контакт с Японией по поводу указанных вопросов». Японцы выдали Исхакову визу, оказали ряд других услуг, а также материальную поддержку.

По прибытии Исхакова в Токио¹³, японцы допустили своеобразную «конкуренцию» обоих «вождей» татэмиграции (Исхакова и Курбангалеева), и ожесточенную борьбу между сторонниками обоих, причем дело дошло до избиения Исхакова сторонниками Курбангалеева в Токио¹⁴. В результате антисоветская активность татэмиграции резко повысилась. Оба «конкурирующих вождя» мобилизовали все свои возможности на лучшую организацию как открытых антисоветских выступлений, так и тайной деятельности антисоветской эмиграции.

Всей деятельностью Гаяза Исхакова с момента его приезда руководил известный «друг татарской эмиграции» – Окуба Коодзи¹⁵, о котором при следствии по делу «Харбинские минареты» от А. Газизова получены данные о чиновнике министерства иностранных дел Японии Окуба Коодзи – большом знатоке восточных народностей и ислама, который вращался среди татарской эмиграции с целью приобретения шпионских кадров, «хорошо известно, что он проводил массовую обработку людей из татар с последующей посылкой их на территорию СССР для работы в пользу Японии» [...] В течение 1934 г. Гаяз Исхаков под руководством Окуба Коодзи провел организационную работу среди татарской эмиграции в Японии, Манчжоу-Го и Китае и создал довольно стройную систему организации, так называемых «Идель-Уральских комитетов борьбы против СССР», связанных с «Комитетом независимости Идель-Урала» (работающим при Информационном бюро Польского штаба в Варшаве).

В эти комитеты, созданные в Токио, Кобе, Нагое, Кумамото, Курумэ, Шанхае, Харбине и Хайларе – вошли молодые татарские национал-шовинисты, сторонники активной борьбы против СССР за «отторжение национальных республик» – которые, как указывалось выше, не соглашались работать (под руководством Курбангалеева) в контакте с русской эмиграцией, до приезда Исхакова не были достаточно активно использованы.

Организационная работа по созданию централизованной Идель-Уральской организации сопровождалась обработкой японского общественного мнения в пользу такой организации. Окуба Коодзи и Исхаков в течение 1934 г. многократно выступали на собраниях различных японских обществ с докладами против СССР, «разъясняя» цели и задачи идель-уральских организаций. Такие доклады были сделаны на собрании Японского Восточного общества; в журнале «Тую»¹⁶, на многолюдном собрании «Туранского общества в Токио»; в клубе «Пан-пацифик» (против этого выступления был заявлен протест со стороны Советского посольства)¹⁷.

Закончив организационные мероприятия по созданию местных «комитетов идель-уральцев», группа Исхакова созвала в г. Кобе «1-й Курултай (съезд) тюрко-татарской эмиграции, находящейся в Японии и Корее»¹⁸. [...]

Первым практическим шагом «Центрального Комитета идель-уральских организаций» стало обращение в Главное полицейское управление Японии с просьбой об оказании моральной поддержки Идель-Уральским организациям; все связи полиции с тюрко-татарами вести только через «Центральный Комитет»; чтобы чины полиции при обращении с тюрко-татарами употребляли или японский или английский язык; создать особый отдел при полиции для установления контакта с Идель-Уральскими организациями; чтобы членов Идель-Уральских организаций не считали русскими подданными; разрешить не пользоваться русскими окончаниями «ов» в фамилиях тюрко-татар. Все эти пожелания были приняты Главным управлением японской полиции.

Из местных комитетов, подчиненных «Центральному Комитету Идель-Урала», первым был создан «Комитет Идель-Уральцев» в Токио, в практической деятельности которого принимают участие, кроме Окуба Коодзи, и другие японские государственные деятели, в том числе и министр двора Учида¹⁹, который до этого 10 лет находился в Турции в качестве японского посла. На банкете 23/II-1934 г. Учида выступил с речью о родстве азиатских наций татар и японцев²⁰.

Завершив организационные задачи в Японии, Исхаков выехал в Маньчжоу-Го с теми же заданиями японской разведки.

Харбинские организации татарэмиграции

Японской работой в Харбине, где имеется наиболее многочисленная татарская колония, руководил секретарь японской военной миссии в Харбине Суда [...] Во главе харбинской колонии стояли ставленники Курбангалеева и все связи шпионской сети японской разведки среди татарэмигрантов и через них, и к их родственникам, проживающим в СССР – шли преимущественно по связям Курбангалеева и его приближенных, вроде Агеева Амруллы и др. [...] «В связи с голодом в Поволжье в Харбине был создан Мусульманский комитет помощи голодающим...»²¹ Первую партию мы отправили в сопровождении Яхьи Алмаева и Хусаина Утяшева [...]».

Раскол между сторонниками Исхакова и Курбангалеева на время мог ослабить шпионскую деятельность харбинской татарэмиграции. Позднее, когда Суда получил подробные инструкции о той роли, которая отводится японцами Гаяз Исхакову в деле подчинения японскому влиянию тюрко-татар ближнего Востока (Турции и Советского Востока) – его отношение к Исхакову изменилось. «Он (Суда) говорит: для сегодняшнего дня безразлично, что из себя представляли в прошлом Исхаков, Курбангалеев и Ибрагимов (Рашид-Казы)²². Все эти пересуды теперь приносят вред. Надо ликвидировать их любым путем».

Идель-Уральцы – сторонники Гаяза Исхакова еще задолго до его приезда в Харбин начали борьбу против курбангалеевского руководства харбинской общиной. С избранием нового Правления идель-уральцев в Харбине обстановка несколько разрядилась.

22 августа 1934 г. Исхаков приехал в Харбин и был встречен активом татэмиграции (около 200 человек), который в знак солидарности провел большую антисоветскую демонстрацию. Договорившись с Суда, Исхаков в Харбине выступил с докладами против СССР на тему «Нынешнее положение и перспектива тюрко-татар в Европе» (22 августа); «Положение тюрко-татар в России» (1 сентября) и «Идель-Уральское движение» (2 сентября) 1934 г.

11 сентября было созвано организационное собрание актива харбинской эмиграции в количестве 150 человек «учредителей Идель-Уральского общества в Харбине». [...] Последовательно были созданы Идель-Уральские Объединения в Хайларе, Тяньцзине, Мукдене, Дайрене, Синьцзине, Шанхае, Харбине. После Харбина Хайлар являлся наиболее серьезным пунктом концентрации татарской белой эмиграции. [...]

Имея такие «крепкие кадры», втянутые в непосредственную японскую работу, хайларская татэмиграция была недостаточно организована. По приезде в Хайлар Гаяза Исхакова 22 октября 1934 г. было созвано под руководством японца Хаттори²³ организационное собрание «учредителей Идель-Уральского объединения татэмиграции», где было зарегистрировано 170 ч[еловек] членов этого объединения и избрано руководящее ядро под названием «Правления Идель-Уральцев».

26 октября 1934 г. был устроен банкет актива татэмиграции с участием чинов японского консульства во главе с консулом, пом[ощником] нач[альника] жандармского управления, высших чинов японского гарнизона, китайских и монгольских «общественных деятелей» и главы монгольских частей Гармаева²⁴. На банкете выступили с антисоветскими речами: японский консул, японский советник по делам татэмиграции Хаттори, генерал Гармаев и руководители татэмиграции.

Окончательным завершением организационных задач, возложенных японской разведкой на Исхакова явился созыв «1-го Дальне-Восточного съезда тюрко-татар Идель-Уральцев, проживающих в четырех странах Азии: Япония, Корея, Китай и Маньчжоу-Го». Съезд состоялся в Мукдене 4-14 февраля 1935 г. с участием более 40 делегатов местных комитетов идель-уральцев, свыше 100 активистов этой организации, а также японских «советников», маньчжурских гостей и корреспондентов всех японских и некоторых английских газет. «Японская военщина придавала этому съезду особое значение, стараясь показать его, как съезд не только тюрко-татар, находящихся на Дальнем Востоке, а как съезд всей татарской нации, как съезд политически активной части мирового мусульманского движения». Все японские и маньчжурские газеты широко рекламировали этот съезд как крупный политический акт представителей многомиллионного мусульманского мира против СССР. Дальне-Восточный татарский съезд официально был созван от имени «Центрального Комитета Тюрко-татар мусульман Идель-Урала», проживающих в империи Ниппона (Япония).

На съезд прибыли делегаты из Тяньцзина (3 чел.), Мукдена (6 чел.), Хайлара (2 чел.), Дайрена (2 чел.), Синьцзиня (3 чел.), Шанхая (2 чел.), Харбина (6 чел.), Кобе (3 чел.), Найгои (2 чел.), Токио (3 чел.), Кумамото (2 чел.), Сеула (4 чел.), Антунга (1 чел.)²⁵.

Съезд открылся вступительным докладом Исхакова, в котором была намечена основная линия съезда²⁶ [...]

В повестку дня были включены и обсуждены съездом вопросы о воспитании татарской молодежи в нац[иональных] школах: о приобщении ее к японской культуре; об организации отрядов молодежи (национальные игры и спорт); об устройстве татарской молодежи в японские технические учебные заведения в целях усиления национальной культуры и использования высокой техники Японии; о мероприятиях против распространения вредных для национальных и религиозных интересов тюрко-татар течений большевизма и «русизма»; о принципах национальной дисциплины и мерах наказания для тех лиц, кто будет нарушать принципы национального собрания, постановления съезда и Центрального Комитета; об обязательном введении в татарских школах преподавания японского языка, организация типографии и издание национальной литературы; о создании национального денежного фонда.

Работа съезда закончилась избранием Центрального комитета Идель-Уральских организаций всего Дальнего Востока, куда вошли: Гаяз Исхаков – пожизненный председатель; Газиз Галиев – заместитель председателя; Ибрагим Давлеткильдиев – секретарь; Гиззатулла Ибрагимов – казначей; Мунир Хасбиуллин – член ЦК (по вопросам просвещения); Рокия Мухамедишина; Мадияр Шамгунов; Абдурахман Каримов; Хатиб Хамидов. На послесъездовском банкете участники съезда и гости – японские и маньчжурские деятели, представители украинских, польских и др[угих] белогвардейских кругов²⁷ высоко оценили достижение съезда.

Из крупных деятелей татарской эмиграции на стороне Курбангалеева остались: Рашид Газы Ибрагимов (известный панисламист), Амрулла Агеев и Зеки Валидов²⁸ (лидер башкирских националистов). Позиция Мусы Бигеева²⁹ неизвестна.

Дальне-Восточный съезд принял политическую резолюцию, которая наметила дальнейшее направление деятельности татарской белой эмиграции. «В результате проведенной Исхаковым деятельности резко поднялась активность татарской эмиграции. Его актив организационно включился в практическую работу, руководимую японской разведкой. Следующим этапом работы Исхакова является усиление антисоветской деятельности националистических элементов в Татарии, Башкирии и татарских районов Поволжья, Урала и Сибири [...] Помимо поставки японцам кадров для ведения шпионской и диверсионной работы на советской территории Идель-Уральцы в последнее время широко используют родственные и иного характера связи в СССР для ведения японофильской агитации и распространения информации о деятельности Идель-Уральских организаций. Из сообщений агентуры устанавливается, что сведения о татарском национальном съезде уже просочились в СССР и получили широкое распространение среди татарских и башкирских к[онтр]-р[еволюционных] националистических элементов. Особую роль в распространении этих сведений сыграли прибывающие из Маньчжурии «харбинцы»-татары. Не меньшую роль играет пантюкистская организация в Синь-Цзян, имеющая большие связи на советской территории.

ОГА СБУ, ф. 13, оп. 1, д. 274, л. 1-21.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. В архиве отдела КГБ СССР по Татарской АССР в начале 1990-х гг. хранилось дело «Харбинские минареты». Как нам известно, данное дело было уничтожено в начале 1990-х гг.
2. Мурзинков Габдулахад Габдулатифович (?; Пенза – 15.05.1940, концессия Чол) – активный деятель мусульманской эмиграции в Маньчжурии. В 1890-1894 гг. жил на Сахалине. В 1900 г. переехал в Хабаровск, где в течение четырех лет работал имамом, затем стал имам-ахундом Приморского военного округа. В 1922 г. эмигрировал из Владивостока в Харбин.

3. Косьмин (Космин), Владимир Дмитриевич (05.07.1884 – 24.04.1950) – полковник (1917), генерал-майор колчаковского производства (1918), общественный деятель в эмиграции. Участник русско-японской войны. Активный член Антияпонистического союза в Тяньцзине. После окончания Второй мировой войны эмигрировал в Австралию.
4. Фукуда Хикосуке (05.11.1875 – 30.07.1959) – генерал японской армии. Военный атташе Японии в России (1910-1917).
5. Курбангалиев Мухаммед-Габдулхай (1889, Челябинск – 22.08.1978, Челябинск) – башкирский просветитель, религиозный, политический и общественный деятель первой половины XX в. в России и в эмиграции. Был оппонентом Ахмед-Заки Валиди в башкирском национальном движении, не принял Советской власти и поддержал А.В. Колчака, став имамом в башкирских белых частях. В октябре 1920 г. эмигрировал в Маньчжурию. В 1924 г. переехал в Японию, организовал общество мусульман г. Токио (махалля «Исламия») и стал его главой. В 1928 г. организовал Всеяпонский съезд мусульман. Основал типографию, выпускающую книги и периодические издания на арабском и тюркских языках. Издал первый на Дальнем Востоке Коран, участвовал в строительстве мечети Токио. В 1932-1936 гг. активно участвовал в Японской мусульманской политике в Маньчжурии, в организации общества мусульман в Маньчжоу-Го. Находился в оппозиции к Г. Исхаки. Деятельность Курбангалиева препятствовала единой политике Японии по отношению к мусульманам, поэтому был вынужден покинуть Японию и переехать в Далянь (Маньчжурия). В 1945 г. арестован в Маньчжурии советскими войсками и осужден в Москве на 10 лет тюремного заключения. До 1955 г. отбывал заключение во Владимирской тюрьме. После освобождения жил в Уфе, затем в Челябинске, где до самой смерти исполнял обязанности имама-хатыба центральной мечети. В данном документе фамилия написана неправильно.
6. Сибирское областничество – движение за территориальную самостоятельность Сибири во главе с областным (региональным) органом управления – Сибирской областной думой, наделенной комплексом полномочий аналогичных компетенции штата в федеральной системе США. Областники разработали так называемый «сибирский план», рассчитанный на временное отделение Сибири от России и использование ее территории в качестве плацдарма для борьбы с советским режимом.
7. Батолин Прокопий Петрович (?-02.08.1939) – предприниматель. Член Совета Русско-Азиатского банка.
8. Поротиков Флегонт Илларионович (?-08.07.1956, Токио), военный и общественный деятель, служил в 1-м Сибирском Ермака Тимофеева полку, участник Первой мировой войны, полковник (1915). Участник Белого движения, генерал для поручений при командующем Сибирской армией (1918), начальник Войскового осведомительного отдела Сибирского войска (1919). Эмигрировал в Китай. С 1945 г. проживал в Японии. В «Шанхайской Заре» от 29 апреля 1934 г. в заметке «Раскол в тюрко-татарской эмиграции в Японии» описывается «инцидент 11 февраля», когда произошел раскол в тюрко-татарской мусульманской общине г. Токио. Тогда действующий имам общины М. Курбангалиев привел на собрание с участием Г. Исхаки белогвардейцев, в числе которых был Поротиков, с целью дискредитации татарского лидера.
9. В документе характеризуется деятельность муллы Курбангалиева, отвечавшего первоначально за объединение татарской эмиграции и созыв Дальневосточного мусульманского съезда. Общее руководство делами татарской эмиграции было возложено на японского журналиста Киоми Ациба – бывшего секретаря Инукаи Цуеси (20.04.1855, Окаяма – 15.05.1932, Токио) – японский политик, глава одной из основных политических партий 1930-х г. «Риккэн Сэйюкай» с 1929 г., депутат парламента, премьер-министр Японии (с 13 декабря 1931 г. по 15 мая 1932 г.) Поддерживал идеи панasiatизма.

10. Пантюркизм (пантуранизм) – политическое движение конца XIX – начала XX в., преследующее политическое объединение всех тюркоговорящих народов Османской империи, России, Китая, Ирана и Афганистана. Движение началось в среде тюрков Крыма и Поволжского региона России, стремившихся к объединению с тюрками Османской империи.

11. Агатюрк Мустафа Кемаль (1881-10.11.1938) – османский и турецкий государственный деятель, первый президент Турецкой Республики, основатель современного турецкого государства.

12. Янагита Гендзо (03.01.1893 – 07.10.1952) – генерал-лейтенант японской Императорской армии. Во время работы военным атташе в Польше и Румынии, назначенный в 1932 г., познакомился с Исаковым и организовал его поездку на Дальний Восток. В марте 1934 г. был назначен в штаб Квантунской армии. С этого времени находился в постоянном контакте с руководителями тюрко-татарской эмиграции на Дальнем Востоке. В 1940 г. возглавил Японскую военную миссию в Харбине и стал помощником начальника военной разведки Квантунской армии. В 1943 г. был назначен командиром 33 дивизии, дислоцированной в Бирме. В конце 1944 г. назначен командующим Порт-Артуром. В 1945 г. возглавлял оборону Квантунской области. Взят в плен в 1945 г. Умер в лагере военнопленных в СССР. В данном документе фамилия написана неправильно.

13. Г. Исхаки прибыл в Токио 16 октября 1933 г.

14. «Инцидент 11 февраля» 1934 г. – событие, когда произошел раскол между консервативной частью эмиграции, возглавляемой Курбангалиевым, и националистической частью, поддерживающей идеологию и цели Г. Исхаки. 11 февраля 1934 г. собрание, где Исхаки собирался выступить перед Токийской тюрко-татарской общиной, попытался сорвать Курбангалиев, приведя представителей белой эмиграции, в частности Поротикова.

15. Окубо Коодзи (19.07.1887, Токио – 13.04.1950, Токио) – тюрколог, переводчик, ответственный Министерства иностранных дел Японии за взаимодействие с тюрко-татарской эмиграцией. Закончил школу иностранных языков в 1913 г., затем факультет восточной истории Токийского университета. Организатор Исламского института в 1935 г., Института исламского мира в 1938 г. при финансовой поддержке князя Иемаса Токугава. В 1939 г. способствовал включению в учебную программу Токийского университета курса по исламской истории. Преподавал турецкий и татарский языки в вузах Японии, японский язык в национальной тюрко-татарской школе г. Токио. После войны поселился рядом с татарской общиной, которая в знак благодарности за дружбу и помощь подарила ему дом, оставшемуся бездомным вследствие американской бомбардировки Токио в 1945 г.

16. Г. Исхаки выступил в редакции журнала «Тую» (Восток) 5 мая 1934 г.

17. Находясь в Токио, 18 июня 1934 г. Г. Исхаки выступил на татарском языке в клубе «Pan rasıfı» перед – иностранными дипломатами – с лекцией на тему «О современном состоянии татарской культуры». Когда свою лекцию Исхаки завершил выводом, что врагом татарской культуры является коммунизм, из зала в знак протеста вышли двое представителей советского посольства. Посол СССР в Японии Константин Юренев обратился с протестом к министру иностранных дел Учида. Этот протест оказал положительную роль: подозрения в том, что Исхаки является советским агентом, как утверждал Курбагалиев, были сняты.

18. Первый всеяпонский съезд (курултай) тюрко-татар Идель-Урала прошел 9-12 мая 1934 г. в г. Кобе (Япония). На нем присутствовало 39 делегатов из Токио, Кобе, Нагоя, Кумамото, Осака и из городов Кореи.

19. Учида Садагучи (1865, Фукуока – 02.06.1942) – японский дипломат, в 1920-1924 гг. был послом Японии в Турции, с 1924 г. возглавлял Японско-Турецкое общество дружбы.

20. Банкет проходил в честь дня рождения Г. Исхаки 23 февраля 1934 г. в гостинице «Mampei» с участием 60 японских гостей и множества представителей тюрко-татар.
21. Комитет помощи голодающим (Помгол) Волго-Уральского района, образован в 1921 г. в Советской России в связи с жестоким неурожаем в Поволжье (около 30 млн человек). По инициативе муфтия Галимджана Баруди была создана Комиссия Центрального духовного управления мусульман по борьбе с голодом (Муспомгол), которая должна была собирать у зарубежных единоверцев помощь голодающим мусульманам РСФСР.
22. Ибрагимов Абдурашид (23.04.1857, Тара – 17.08.1944, Токио) – татарский мусульманский имам, кади (судья), проповедник и публицист. Сторонник идей панисламизма, которые распространял, начиная с 1908 г., опираясь на поддержку Японии.
23. Хаттори Сиро (29.05.1908, Камеяма – 29.01.1995, Токио) – выдающийся японский лингвист, почетный профессор Токийского университета, возглавлявший Японское лингвистическое общество, за свою научную и преподавательскую деятельность в 1983 г. награжден высшей наградой страны, присуждаемой за достижения в области культуры, орденом Восходящего Солнца. В 1931 г. закончил отделение лингвистики филологического факультета Токийского императорского университета, в 1933 г. уехал в Маньчжурию. Здесь выучил монгольский, бурятский и татарский языки. В г. Хайлар проживал в доме татарского купца-эмигранта Агеева, чья дочь Магира стала его женой. В архиве семьи, хранящемся сегодня в библиотеке университета префектуры Симанэ, сохранились уникальные материалы по истории тюрко-татарской эмиграции, включая почти полную подшивку газеты «Милли Байрак» – орган тюрко-татарской эмиграции на Дальнем Востоке, выходившей в г. Мукдене с 1935 по 1945 г.
24. Гармаев Уржин Гармаевич (1888-13.03.1947) – офицер в армии атамана Г.М. Семенова, генерал-лейтенант армии Маньчжоу-го.
25. В документе перечислены имена всех делегатов.
26. На объединение, сплочение, борьбу против коммунизма.
27. Банкет состоялся 12 февраля 1935 г. в гостинице «Ориентал».
28. Валиди (Валидов) Ахмет-Заки (10.12.1890 – 26.07.1970, Стамбул) – политический деятель, лидер башкирского национально-освободительного движения (1917-1920); профессор, почетный доктор Манчестерского университета (1967). Расходился во взглядах на судьбы тюрко-татарских народов России с Г. Исхаки.
29. Бигеев Муса Яруллович (25.12.1873, Пенза – 28.10.1949, Каир) – выдающийся татарский философ-богослов, публицист, один из лидеров прогрессивного движения (джадидизм) среди мусульман России начала XX в. В 1931 г. эмигрировал. В 1938 г. посетил Японию.

Список литературы

Аблажей Н.А. В Россию свет идет с Востока: Сибирское областничество в эмиграции // Родина. – 2001. – № 10. – С. 71-73.

Адутов Р.М. Татарская и башкирская эмиграция в Японии. Япониядаге кардэшләребез. – Набережные Челны: НГПИ, 2008. – 196 с.

Гусева Ю.Н. Зарубежные мусульмане и их помощь голодающим единоверцам Советской России: некоторые аспекты деятельности Комиссии Центрального духовного управления мусульман по борьбе с голодом (1922-1923 гг.) // Поволжский педагогический поиск. – 2012. – № 2 (2). – С. 32.

Надир Дәүләт. Ерак Көнчыгыштагы татар-башкортлага ни булды? – Казан, 2005. – 99 б.

Усманов М. «Киек сукмакларында» («На диких тропах». Записки охотника). – Казань, 1966.

Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа, 1999. – С. 110-111.

Akira Matsunaga. Ayaz Ishaki ve uzak shergdeki tatar turkleri. – Baki, 2002. – 104 b.

Dündar M. Uzak doguda Idil-Ural turklernin yayın faaliyetleri ve Tokyo Mahalle-Islamiye Matbaasi. – Ankara, 2003. – 116 p.

References

Ablazhey N.L. V Rossiyu svet idet s Vostoka: Sibirskoe oblastnichestvo v emigratsii [Light comes to Russia from the East: Siberian regionalism in emigration]. IN: Rodina [Motherland], 2001, no. 10, pp. 71-73.

Adutov R. M. Tatarskaya i bashkirskaya emigratsiya v Yaponii [Tatar and Bashkir emigration in Japan]. Naberezhnye Chelny, NGPI publ., 2008, 196 p.

Akira Matsunaga. Ayaz Ishaki ve uzak shergdeki tatar turkleri [Ayaz Ishaki and Turko-Tatars of the Far East]. Baki, 2002, 104 b.

Dündar M. Uzak doguda Idil-Ural turklernin yayın faaliyetleri ve Tokyo Mahalle-Islamiye Matbaasi [Activities of the Far Eastern Idel-Ural Turks and the printing house of Tokyo Muslim Community "Islamie"]. Ankara, 2003, 116 p.

Guseva Yu. N. Zarubezhnye musulmane i ikh pomoshch golodayushchim yedinovertsam Sovetskoy Rossii: nekotorye aspekty deystelnosti Komissii Tsentralnogo duhovnogo upravleniya musulman po borbe s golodom (1922-1923 gg.) [Foreign Muslims and their assistance to the starving co-religionists of the Soviet Russia: some aspects of the activities of the Commission of the Central Spiritual Administration of Muslims in the famine relief (1922-1923)]. IN: Povolzhskiy pedagogicheskiy poisk [Volga pedagogical search], 2012, no. 2 (2), p. 32.

Nadir Daylat. Erak Konchygyyshtagy tatar-bashkortlaga ni buldy? [What happened to the Tatar-Bashkirs in the Far East?]. Kazan, 2005. – 99 p.

Usmanov M. "Kiek sukmaklarynda" ("Na dikih tropah". Zapiski ohotnika) ["Kiek Sukmaklarynda" ("On the wild paths". Notes of the hunter)]. Kazan, 1966.

Yunusova A. B. Islam v Bashkortostane [Islam in Bashkortostan]. Ufa, 1999, pp. 110-111.

Сведения об авторах

Усманова Лариса Рафаэлевна, кандидат педагогических наук, PhD (Япония), старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, e-mail: ousmanoval@gmail.com.

Черникова Лариса Петровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Востоковедения РАН, e-mail: Larisa-che@mail.ru.

About the authors

Larisa R. Usmanova, Candidate of Pedagogical Sciences, PhD (Japan), Senior Researcher at Sh. Mardzhani Institute of History, the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, e-mail: ousmanoval@gmail.com.

Larisa P. Chernikova, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, e-mail: Larisa-che@mail.ru.

В редакцию статья поступила 24.05.2019, опубликована:

Усманова Л. Р., Черникова Л. П. Новые исторические источники: документы ОГПУ-НКВД о тюрко-татарах в Китае // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2019. – № 3. – С. 39-54.

Submitted on 24.05.2019, published:

Usmanova L. R., Chernikova L. P. Novye istoricheskie istochniki: dokumenty OGPU-NKVD o tyurko-tatarah v Kitae [New historical sources, documents of OGPU-NKVD on Turko-Tatars in China]. IN: Gasyrlar avazy – Eho vekov, 2019, no. 3, pp. 39-54.